

МАКСИМ ВАСЮНОВ

СЛЕДЫ АНГЕЛА

«Т/О "НЕФОРМАТ"
Accent Graphics Communications
2016

Максим Васюнов
Следы ангела (сборник)

«Accent Graphics communications»

2016

Васюнов М.

Следы ангела (сборник) / М. Васюнов — «Accent Graphics communications», 2016

Герои этой книги – знаменитые и безвестные, богатые и бедные, пожилые и молодые, но все очень счастливые люди. Тайна их радости настолько же сложна для понимания, насколько и проста – им удалось увидеть Бога. Для кого-то встреча с Ним в земном мире стала неожиданностью, а кто-то об этом искренне и долго молился. Иным понадобилось чудо, чтобы уверовать во Христа, а кому-то хватило созерцания заброшенного сельского храма... Но каждый из них теперь знает, что Любовь есть. И что ангелы оставляют следы. В сборник вошли интервью Дмитрия Дюжева, Захара Прилепина, Алексея Петренко, Екатерины Градовой, Алины Покровской, Галины Яцкиной и других.

Содержание

Часть первая	5
Никодимово лето	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Максим Васюнов

Следы ангела

Часть первая

Повести, рассказы

Никодимово лето

Бояровы, дед с бабкой, с утра ждали своих. «Внука Илюшку на лето везут, первый раз от мамкиной титьки отрывают», – гордел Михаил Афанасьевич. «Даже и не вспомнит он о родителях-то, куда ему вспоминать, когда погода, бог даст, простоит как в прошлом годе, рыбалка, грибы, да лодка вон стоит на реке, будет, чем заняться!» Но деревенские подмечали – хоть и храбрился Бояров, да нервничал. Не та уже закалка, пусть и проработал учителем сорок лет в местной школе. Так когда это было, да и чужое – оно не свое. А тут если что – век не отделаешься, а век короткий уж, хочется прожить спокойно. «Ну, Бог даст, пронесет, парень вроде толковый, в городе все по секциям, по кружкам ходит, смысленный, вон деду коку открытку на юбилей сделал», – и бабка нервничала, да еще пуще, чем муж. Всё наличники красила, да забор зачем-то помыла накануне, да половики ранним утром два раза выбегала хлопать.

Вот зашатало по деревенской колее джип зятёвский, соседи вместе с Бояровым встречать вышли – оно ведь дело общее, когда внуки к своим на каникулы приезжают. Джип докатился до ворот, встал. Первой выбежала дочка, тоже учительница, но в городе; лицо строгое, глаза большие, волосы в косичку, сразу мать кинулась обнимать. Ох уж, эта сентиментальность городских – год о родителях не вспоминают, а потом бросаются на шею, словно на войну сейчас поедут. Зять – кабан кило, как пить дать, под сто пятьдесят – сухо пожал деду руку, тещу поцеловал, как семечку выплюнул, да пошел Илюше дверь открывать. Тут-то все соседи замолчали, даже курицы кудахтать перестали, дите этого никто еще здесь не видывал. А на кого похож? А во что одет? На вид хулиган, или как все? – и стар и млад на носочки встали, заглядывают за джип-то...

Илюша выбежал из машины, как ошпаренный, и сразу бабку Анну целовать полез – ну, мать настропалила! Потом уж к деду подошел, руку протянул по-взрослому. «На деда-то и похож больше всего», – вынесла заключение соседка Зойка, пьяница лет шестидесяти, – «Волосы вон сызмальства седые, да нос якорем, глаза шибко, что бабкины, а так Афанасьевич вылитый, как две капли, ага».

– Ну, Илья, готов как человек пожить? – спросил дед. Илья смялся, глаза беспомощно забегали по родителям.

– Да готов, пап, готов, с зимы все ждал, удочку вон на майские выпросил, – запричитала дочка. Верно, вся в мать пошла, и голос точь-в-точь как у Анны по молодости: – Илюш, доставай одежду.

Илья снова заерзал взглядом, нехотя пошел к кузову.

– Да ладно, чего парня мучить, занесем сами одежу-то, – подсуетился дед.

– А ты, папа, не балуй его, не балуй, пусть сам вон хоть удочку свою возьмет. Илья, ты где там?

Илья, глядя исподлобья на деда, подбежал за удочкой. Но тут бабка ее и перехватила.

– Ой, новомодная какая-то, небось, не одну тыщу стоит? – прикинула баба Анна.

– Пять семьсот, со скидкой, – доложил радостно Илюша.

– Ой, так и никакой рыбы с имя не надо, – отмахнулась бабка и обхватила удочку покрепче.

Илюшу в дом пустили первым, за ним бабка зашла, потом дочка, зять и дед с чемоданом, да и кошка Мили – как в сериале-то, помните, девка была шептунья, в честь нее назвала старуха – так вот, и Мили тоже заскочить успела. Дверь глухо захлопнулось, соседи зашаркали по своим сторонам.

Дочь с зятем гостили недолго, у них путевки уж куплены, завтра вечером в Италию улетают, два часа чаю попили с шаньгами бабкиными и укатили. Стал Михайло Афанасьевич внуку дом показывать, да куда выход, да как печка устроена, да где аккуратно вставать надо, чтоб в голбец старый не провалиться.

Больше всего Илюшу иконы привлекли на комод, да и не в иконах дело, а в фотографии необычной – она промеж образов стояла, и не было на ней ничего – только стены кирпичной кладки и облачко какое-то. Ну, Илья и ухватил детским глазом.

– Деда, а что это за облачко? – И так любопытно спросил Илюша, что деду это шибко понравилось.

– А это, сынок, у нас фотокарточка особая, отца Никодима, царствие ему небесное, ангела нашего – дед перекрестился на фотографию и секунды три постоял, посмотрел, потирая ладошкой выбритый накануне подбородок. – Ну, а ты-то в церкву ходишь, родители водят?

– Водят! – мальчик обрадовался, что деду угодить ответом может. – Деда, а как это – фотография ангела, что ли, получается? – Илья смотрел своими широкими мамкиными глазами то на деда, то на ангела, в его лице белом-белом и во взгляде чистом незамутненном ну, такая взрослая заинтересованность читалась! Сам Михаил Афанасьевич с таким видом даже новости о пенсии не слушал, а тут мальчишка! А ведь похож на меня, правда, – присматривался дед к внуку.

– Так ангела-то и получается фотокарточка, верно. – Дед все всматривался в глаза Илюши, пытаясь понять, а нужно ли об этом мальчишке-то двенадцати лет говорить.

– Деда, а ты ведь мне расскажешь? – достал врасплох мысли Михаила Афанасьевича Илья.

Что тут делать было, до ужина еще время оставалось, да и почему не рассказать историю их: и о деревне в ней все есть, и о человеке хорошем, и о церкви главное. А о церкви – знамо дело – никогда не лишне детям рассказать.

Михаил Афанасьевич сел на табурет у комода, на котором иконы-то с фотографией ангельской стояли, а внука напротив – на кровать деревянную с панцирной провалившейся сеткой посадил. И начал – не суетясь, не торопясь, мудро вздыхая, как только старики в деревне-то и умеют.

– Никто не знал толком, откуда отец Никодим приехал, говорили, будто видели, как он на лодке приплыл к нашим берегам: высокий, здоровый, борода чернющая, волосы жиденькие в косичку, не ряса если, то вовсе как китайский монах, по телевизору-то коих кажут – ну, ты видел.

Приплыл, значит, и пошел сразу к храму нашему Георгия Победоносца. А тогда, это начало девяностых, храм разрушенный стоял, а когда-то, сам еще помню, огромный был храм, красивый, белый, трехпрестольный, один из лучших в районе считался, все сюда молиться шли. До сороковых годов аж работал, потом и до него добрались, кинотеатр сделали, да склад, но к девяностым и этого ничего не осталось. Стоял наш родненький без кровли почти, да без окон, фрески местами проглядывали сквозь побелку-то, да и какая побелка там? Одни стены кирпичные остались, да и те шпана исписала, но все-таки фресочки кое-где проглядывали, дело святое, чего уж. Да что я тебе рассказываю, ты, небось, и не знаешь, что церкви-то у нас

закрывались по Руси, но потом, Бог даст, все поймешь, не осудишь уж буде, всякое время-то было.

Так вот, я и рассказываю – приехал наш батюшка и прямой дорогой – к храму, к его скелету, то есть, к стенам порушенным, а по пути к нему как раз домик стоял, мы старухам нашим срубили, чтоб молились, они уж сильно просили, они там молельню себе обустроили, да и батюшка к ним одно время все приезжал какой-то, службы вел даже. И вот идет мимо этого домика-то батюшка и слышит «Царю небе-сно-му» поют, да и зашел: ох, ты, Господи, а там полторы бабки, все уж в пол дышать, а на стенах иконы – все из календарей каких да книг старых вырезаны, изолентой синей по краям, вроде как рамки, обклеены. Свечи – мы из города привозили – в руках держат, да поют. Батюшку увидели, так и сели, испугались мальчика, задребезжали: «Ой, батюшка, что ли к нам? Ой, а у нас и к столу ничего не собрано, хоть бы предупредили, ой, а обращаться к вам как?»

Отец Никодим не отвечал, все глядел умиленно на иконы, да на старух, да на свечи, воск-то весь по рукам их тек, на пол капал.

«А вы на службу, что ль? Или как?» – волновались бабки. «Навсегда!» – тихо ответил батюшка, молящиеся даже не расслышали. «Навсегда, говоришь? Так это, мы и рады только, а то у нас отец Виктор служил наездами, да, говорят, ушел он из церкви, да что правду говорят, или брешут?» Эх, русские бабки, в одном предложении обо всем на свете.

«Не брешут, не брешут», – отец Никодим, наконец, переступил порог, а то так и стоял в сенях. Пошел сразу в угол комнаты, там подсвечник стоял весь в пыли, медный, высокий, бабки его берегли на праздники всё. «Так, ой, жалко-то, отца-то Виктора, хороший был батюшка», – вздыхали старухи. «Хороший, да только верил мало», – пробурчал отец Никодим и взглянул резко сразу на всю свою дряхлую паству, – «Ну что же, бабульки вы мои, пойдём, послужим?» – «Да куда ж то это?» – руки-то у всех так и развелись, как у чучел в августе. «Куда куда, в храм! Что по углам-то служить, когда Дом Божий пустует?»

А дом-то Божий, я тебе говорю, сынок, уже давно пустовал, туда только козы иногда заглядывали, да местные парни девок тискать водили, прости Господи, да водку пили, безобразничали, словом. А почему туда? А потому что красиво там было, вид такой из окон да из дыр дверных открывался на долину с рекой – что ты! Храмы-то всегда на горе строили, где в селе самое место высокое было – вот там и ставили церкви. Ну, вот еще лет триста назад, когда Малиновку-то нашу основали, видать, тоже и порешили, что на сем месте высоком храму быть. С горки-то этой весь шар земной увидеть можно, а река как красиво петляет до самого до горизонта по обе стороны! Когда все зелено, или по осени – загляденье, нигде не увидишь чудо-то такое! Одарил нас Боженька природой! Да и храм – чего уж тут скромничать – всегда пышный был, на карточках вон старинных, прям глаз радуется, покажу потом, напомним так. Это уж потом к девяностым, когда и кинотеатр разобрали, и хранить нечего стало, он свое боголепие-то немного поутратил, и даже – веришь, нет – вид уже не такой чудный из окон-то его открывался. Ну да чего там, забулдыжникам нашим все в красу было...

Вот и в тот-то день отец Никодим порог-то переступил храма, а там кодла сидит, человек восемь, все местные, пьют, заразы, да курят, костер разожгли, а мусору кругом – как на свалке, ей богу. Нехристи, что с них взять.

Отец Никодим вроде как сначала и глазом не моргнул на прихожан-то этих, слышь, поволок сквозь свалку-то подсвечник, что в молельне взял, до середины храма дошел, встал напротив того места, где иконостас раньше стоял, шептать молитвы начал.

А кодла-то сидит, глазами хлопают, интересно. Забава им – живой поп пришел, это ж надо! Ну, бабки на них, ясно дело, зашипели – убирайтесь, проклятые, не видите, батюшка к нам приехал, может, хоть страху на вас когда нагонит, давайте уматывайте. А те уж под этим делом, ну, выпили, и с места не трогаются, всё ухмыляются, да гогочат. Тут батюшка на них и зыркнул строгим взглядом, добры бы люди сразу струхнули, а этим хоть бы хны, да еще кричат

ему: мол, ага, так от твоего взгляда-то мы все и обоср... ох, прости Господи, кричат, мол, давай пой и не оглядывайся, или чо ты там приперся делать. Ну, отец Никодим перекрестился, голову вверх задрал, осмотрел своды, да небу, купола-то, видишь ли, тогда ж не было... да небу, значит, моргнул, ну и – как бабки рассказывали – пошел быстро на костер. Пацанье-то так и вскочили, думали – сейчас их выкидывать начнут. А Лешка рыжий, за рекой живет, тогда ему лет восемнадцать стукнуло, первый олух на деревне был, так тот прям так и ляпнул батюшке: «Ты поп, – говорит, – только подойди, я тебе вмажу сразу», – ну и, оскорбил его еще как-то, это Никодима-то, ангела-то нашего! А тот, вот не я говорю, бабки рассказывали, встал как вкопанный и вцепился взглядом за этого Лешку-то, и смотрит на него, как сквозь душу ему, и говорит чуть погодя: «А ты бы, Алексей, домой шел, сестра у тебя скоро преставится, – это помрет, значит, – ты бы, – говорит, – простился с ней, все-таки она тебя вскормила».

Леха, да и все другие, аж дар речи потеряли. Ну, допустим, имя батюшка мог краем уха услышать, когда в церковь вошел, пока сыр бор, но откуда про сестру-то знал? Она ведь, бедная, в те дни и, правда, маялась, болезнь нехорошая у нее была, не для твоего светлого знания, да и, правда, она ж Лешку-то кормила вместо матери, пока мать все на вахты по деньги ездила. Ну, не мог обо всем этом пришлый человек знать, только местный, да только местным-то отец Никодим не был никогда – признали бы сразу бабки, они-то по этой части профессорши. А отец Никодим-то еще Лешке чего сказал: «Друзей своих пошли могилу копать, а то послезавтра дожди пойдут, быстро развезет всю дорогу на погост, послушай меня».

Тут уж и вовсе дрожь по всем побежала. А еще факт, бабки говорили, как сказал то батюшка про погоду, то тут сразу закапало на них с неба дождем – крыши-то не было, а где была – та худая. Но это уж бабки мистику нагоняют, ничего, поди, не капало, но вздрогнули, будь здоров, тогда, это точно! Леха так и пошел вон из храма – белющий весь, вот как занавески на окнах, за ним и кодла его потянулась, все, значит, обомлевшие, ага.

В тот же вечер сестра-то и умерла у Лехи, схоронили ее недалече от моих-то родичей, и еле успели закопать в земельку, тут-то дождь хлынул, каковых еще не бывало, как сейчас помню, земля с водой смешалась. А батюшка-то Никодим в храме до ночи молился, дождь как из шланги, а он стоит, молится, читает акафисты, и свечи-то горят, не тухнут под дождем. Сам видел, что не тухнут.

Вот так и заявил о себе отец Никодим, так и познакомились с ним местные. Ой, а что дальше-то было, так это хоть житие пиши.

Он, значит, батюшка-то, ага, с нашими знакомиться сразу начал, да и после того как про сестру-то Лешкину провидел, к нему мал по малу люди сами потянулись. Не то, чтобы к Богу сразу все потянулись, или на службы ходить стали, но на улице то и дело спросят чего у отца, посоветуются – у кого муж пьет, у кого ребенок болеет, у кого мать при смерти – на кого, вот, помолиться и свечку кому ставить? Храм помаленьку заделывать стали, ну пока токмя фанерой окна забивали, да на крышу шифер, какой был, накидали, все теплее. А уж и благодать, то, какая была уже тогда! Зайдешь, особенно на вечернюю-то службу, все как в дымке синей под куполом, да над амвоном, и дымка эта все ниже, ниже, пока до самых до свечей не спадет, а огоньки ее как будто отгоняют, подпаливают края дымки той, и от того она как волна, и шипит время от времени – будто плавится воздух, и в том месте, и правда, видишь, как свет и темень борются. И смотришь, бывало, на этот вроде как поединок, да еще свечку поставишь и молишься за свет. А когда людей-то побольше, так и вообще радостнее молиться, потому что пока люди в церкви есть – свету всегда быть, и тьме никогда не потушить его, вот что я скажу тебе, Илюшенька...

Ну вот, значит, обжился батюшка немного, там, где молельня была, там ему и отвели помещение для проживания. До зимы и то ладно. Все ждали пока глава наш с отпуску вернется, что скажет, куда определит. Ну, да все и так знали – здесь и оставит квартировать отца Никодима, токмя утеплит, выделит денег на это, никуда не денется.

Первым-то делом, с кем отец Никодим из местных сошелся – это с Гришкой. Афганец, воевавший, не одну точку горячую прошел. Он по соседству с молельней жил, баня у него была, так он отцу Никодиму и предложил сразу ей пользоваться. Гришка-то он вообще один жил, жена уехала от него с детём в город, пил он много, а как выпьет, кидался на нее: то черта в ней какого увидит, то еще что померещится. Да и на людей кидался, как выпьет, ага, с ним и не связывался никто особо. Но мужик был на все руки, чего греха таить, и баню мог срубить, и печки клал, и теплицы ставил. Если бы не пил – золото, а не мужик, в школе у нас, помню, все ворота футбольные мастерил, любили его дети, он им всё про войну рассказывал, про Афганистан. С ним-то батюшку и видели поначалу чаще всего, никто не понимал сначала, на чем это они поладили – вроде как один грешник, а другой праведной живет жизнью, это потом выяснилось, что им было о чем поболтать...

Гришка-то, значит, и стал с отцом ходить первое время по селу, знакомить его с нашими. А знамо дело – на пороге держать батюшку негодно, все в дом звали. Ох, и навидался в ту пору он, бедный, представляю! Ведь что не дом, то муж пьяница, а то и хлеще – и муж, и сыновья старшии. А это что значит? Тебе не понять, сынок, тебе повезло с семьей, а вот, представь: нет у тебя ни игрушек, ни телевизора даже, и каждый день папка твой пьяный, мамку обижает, а мамка, если сама не пьет, то ревет, да скандалит, а если еще братья у тебя да сестры есть – то им тоже достается. От папки сначала, спяну-то все любят повоспитывать да строгости навести, а потом и мамка добавит – когда мужик-то бабу доведет, она уж и детей не щадит, ты что! Злость-то – страшная сила, она и вспыхивает быстрее, чем доброе-то чувство. И вот, в каждом доме почти тогда так и жили. А в каком нет пьяниц, так в том старики, значит. И у них, одна беда, сыновья пьющие. В ту пору-то вроде только наш дом, да дом Филатовых, особняком держался, мы выпивать, конечно, выпивали, чего уж тут, но не запоями. Это значит не каждый день. Работа была постоянная у нас, она-то и держала, а мужики чего, временными заработками тогда перебивались, вот и злоупотребляли. Да и сейчас это не редкость, чего уж говорить.

Я к чему рассказываю-то? Вот, значит, ходил-ходил по домам батюшка, кого молиться учил, кому иконки дарил, кому из Писания чего расскажет, кому про грехи растолкует, об алкоголе, понятное дело, много говорил, все слушали; кто не слушал, тот посылал куда подальше – и такое было, мол, поп, иди отсюда со своими учениями, без тебя тошно. Но батюшка не обижался, а иногда хитростью брал, просил в церкви помочь чего-нибудь поделывать, мусор убрать там от шпаны – его месяца два вывозили, все никак не кончалась свалка, – или просил двери поставить, да рамы какие, или иконы просил на ночь к нему в домик занести – не оставлял тогда еще в церкви-то, боялся, пропить те же мужики могли за милую душу... Так вот, за разговорами – пока мужики помогали ему – батюшка с ними по-свойски и заговаривал о том о сем. Вроде и ни о чем, да только потом многие говорили, что как будто душу на место вворачивал, сразу на раздумья тянуло. Да только к вечеру все равно все к цыганам шли, брали по пол-литра и заливались, и над душой и над словами отца Никодима только и усмехались.

Батюшка сразу понял, откуда бодяга в деревне берется. Бодяга – это вроде как водка, только не настоящая, дешевая, и с нее люди понемногу травятся, а потом и вовсе вымирают. Ну, как тебе объяснить, Илюша, это вот, как если молоко разбавить водой из лужи и продавать под видом молока. А цыгане-то те, что наше-то село гадостью этой снабжали – будь она неладна, столько душ погубила – они к тому времени лет уж пять как поселились у нас на окраине. Это вот, когда вы въезжали в село, так по леву руку их дома раньше стояли. Хозяйство они тогда развели, будь здоров, хоромы отстроили – ты что! Лучше всех жили! К ним мужики как за хлебом каждый день ходили, и не по разу. Да и не только окаянную эту продавали они. Они же парней наших на наркотики подсадили, человек шесть мы в те годы схоронили. Те, кто в город не уехал из молодых, те то и дело к цыганам захаживали. Где подзаработают, подворуют, деньги появятся – к ним за этим делом сразу. Кто просто баловался иногда, а были те, кто каждый

день, как мужики водку, брали. Нет уж никого из тех, кто наркоманом-то стал в итоге. Вовка Белозеров, Натальи Ивановны, директора школы сын, в восемнадцать помер, Санька Крюков в семнадцать, а брат его двоюродный так и вовсе прямо на крыльце у цыган откинулся. Весь пеной белой истек мальчишка, ох, страшное дело. А милиции хоть бы хны, да и не видали мы в ту пору милиции никакой, а какую видали, так только у ворот цыганских если. И они к ним приезжали за покупками-то, сволочи.

Батюшка и сам в милицию обращался по поводу цыган, а там только обещают, говорят: все знаем, расследование проводим, мол, не суйтесь. Да и сам отец Никодим с цыганами сколько раз заговаривал, а заговаривал-то необычно, тоном, каким от него никто и не слышивал, жестко так говорил, как только и нужно с нелюдьми. Вот, веришь, нет, лаял на них так, будто чертей из них выгонял, всем вокруг страшно становилось. Да и дома он у них бывал. А они проклятые ему все в церковь деньги несли, да иконы дорогие, они вроде как тоже нашему-то Богу молятся, иконы-то он их брал, а деньги нет, один раз даже сжег пачку денег цыганских, при них прям и сжег. «Вы, – говорит, – что хотите? Прощенье Божье купить?» – «Да на благое дело, на царствие Божье, – клялись цыгане, – Ты нас знаешь, мы люди честные, и без Бога никуда мы». – «Молиться молитесь, но деньги свои мне не давайте, на души погибших от вашей заразы искупления не купишь, все сами понимаете, не дураки».

Цыгане спорили сначала, да потом умолкали. «Вот то-то и оно, не будем в храме ругаться», – говорил он ласково. А вне храма, я уж тебе говорил, как он лаял на них.

И вот однажды, смотрим мы, отец Никодим из дома вышел без рясы, в штанах черных, да в рубахе какой-то, застегнутый весь. И Гришка, афганец, майку свою полосатую напялил. Сели на паперти, о чем-то кумекают, потом зашли в храм, помолились коротко, да пошли по дороге как из деревни. Ну, мальчишки за ними, посмотреть, куда это поп с Гришаней вырядились. А те напрямик к цыганам. Дело ясное – и этих греховники соблазнили, пацаны аж присвистывать стали от удивления, Гришка-то понятно, чего с него взять, но батюшка-то – все разговоры его о грехе тьфу, получается? Да и побежали по родителям – новость-то сообщать, что отец Никодим цыганам проданся, а мужики-то, как слышали, сразу поняли, чем дело пахнет, кто посмелее – побежали сразу к хоромам-то. Да и я услышал от соседей когда, тоже бегом туда.

А отец Никодим, это уж потом Гришка рассказывал, как к цыганам-то вошел, так сразу и принялся там все громить, бутылки все поразбивал. Ну, на него, конечно, давай прыгать тут же цыганята, черти, взрослые-то стояли сначала, как столбы, понять ничего не могли. Парни цыганские крепкие, в глазах костер, в кулаках силы немеряно, да только отец Никодим с Гришаней всех их быстро растолкали, распихали, и – дальше гремят... А у цыган там целый завод, и чего только нет, и бодяги этой ящиками, и порошки, и шприцы, и чего только еще нет, все открыто, ничего не боялись барыги-то черномазые. Батюшка-то наш и потоптал все, да в печку позакидывал. Тут уж, ясно дело, и взрослые очнулись, договориться сначала пытались – они все договариваться страсть, как любят – говорят, мол, видим, что ты не батюшка вовсе, а, видимо, из городского отдела прислан, уважаем тебя – сколько денег хочешь? Тут батюшка – это Гришка все рассказывал, не я выдумал – и говорит цыганам, что да, не как священник я к вам пришел, но и не мент я. Как простой мужик пришел, который Афган вдоль и поперек исколесил и столько этой наркоты пожег, и столько поубивал за нее, да и похоронил столько ребят из-за порошка этого окаянного, что им, цыганам, теперь здесь жизни не даст, так что, де, убирайтесь по-хорошему. Вот что сказал, понял, да?

Тут-то цыгане и завопили – они все барыги-то, когда силу чувствуют, вопят как дети малые. Да больше от страха тогда-то заголосили, поняли, что договориться с русским мужиком Никодимом не получится, и что денечки их бизнеса сочтены. Голосят, голосят, а Гришка видит краем глаза – старшой у них под кресло полез куда-то, да только и успел подбежать к нему, да ударить, а у того в руках пистолет был, ровно Гришка успел его огреть, секунда в секунду, а

так бы и стрелять небось начал. Ну, тут цыгане видят – старшего уж в расход пустили, терять нечего, все стенкой и лезут на наших-то. А те, знай, отбиваются.

Мы к этому времени уж подбежали, помню: на нас прям из окна цыган вылетел, ревет, как пятиклассница, весь в крови, а в доме шум, все бьется. Мы в дом, помогать, ага, а там чего уж помогать-то? Отец Никодим с Гришкой уж и выходят, кровь стирают с себя, им, ясное дело, тоже досталось. Хозяева вслед только и орут, что убьют, зарежут, проклинают.

«Вы чего, мужики?» – наши-то спрашивают у Гришки с батюшкой. «Да ничего, молодость вспомнили вот с братишкой», – это Гришка отвечает. «Я вам так скажу», – это уже отец Никодим, – Я так вижу: дома цыганские сгорят сегодня ночью». Громко так сказал, чтоб цыганам слышно было. «Но мы с вами тут не виноваты. А то, что вы прибежали, – а тогда человек восемь прибежало мужиков, – за этот порыв зачтется вам. А теперь по домам идемте, нечего тут антихристам глаза мозолить».

Разошлись.

Понял ты, нет, батюшка-то наш воевал! Потом уж Гришка рассказывал, что отец Никодим в ВДВ служил, капитаном, позывной у него был Фарисей. Гришка, когда был на афганской, слышал, говорит, легенды все ходили о каком то Фарисее, мол, жесток был настолько, что за его голову сто тысяч долларов мусульмане давали. Во как! Да только на войне Гришка с ним не виделся ни разу, а вон оно как вышло-то, где пересеклись. Может, и выдумал Гришка, или додумал чего, но это уж неважно, теперь другие легенды про Фарисея ходят, о его значении не Родине, а небу. Понимаешь, какая штука?

А дома цыганские в ту ночь и правда вспыхнули, по всей деревне пепел летел, все у них подчистую сгорело, сами-то барыги ушли куда-то, слухи ходили, в Лебедке осели, это за сто километров отсюда. К нам, Слава Богу, носу больше не показывали. Но отомстить один раз пытались. Я вот думаю – может, и не их рук дело? Да как не их! А кому больше-то? Да и случилось это как раз через неделю.

Бабка Анна пришла, села осторожно на кровать, вопросительно посмотрела на мужа.

– Да я про отца Никодима рассказываю, Илюшка вон фотокарточку увидал.

– И то дело, я за него каждый день молюсь, да все молимся за него, церковь-то нашу он отстоял, да и мало что ли добра-то сделал в тот год, послал же Бог нам ангела, это явно Куделиха, бабка моя богомольница, вымолила нам его на покаяние... – Она и больше бы наговорила сейчас, но только дед ее обрубил – приревновал, может, что внимание внука на себя обратила.

– Баба, а как цыгане отомстили? Деда говорит – они отомстили как-то?

– Да не смогли они, тут Боженька чудо явил... – У бабки глаза просияли, и морщинки от них – как дождики новогодние по лицу. Помолчала она немного, что-то помекала, как бы слова подбирая, но сыграла женская мудрость: – Ой, да чего я буду в разговоры ваши мужские лезть, деда вон тебе все и расскажет, а я пойду, блины заведу. Да и вы бы шли хоть в огород что ли, чего дома то сидеть, дед? Иди внуку хоть журавля старого покажи...

– Ну, закудахта, старая, – взъелся было Бояров, но быстро остепенился – все-таки внук рядом. – А то и, правда, пойдем Илья хоть за огород сходим, пока солнце не ушло.

И пошли дед с внуком на улицу.

– Ты мне, отец, воды наноси вечером, а то кадушка пуста совсем. – Успела крикнуть вдогонку бабка.

Михаил Афанасьевич с мальчишкой миновали небольшой двор с баней и высокой конюшней за ней, прошли сложенные вдоль забора дрова – поленницей это в деревне зовется, а за поленницей-то у Бояровых как раз вход со двора в огород был.

– Вот, внучок, сейчас я тебе покажу, где твои любимые помидоры с картошкой растут, а то ешь, а, небось, не знаешь, чего откуда берется...

Огород у Бояровых был небольшой, но вмещал в себя целый райский сад. Половину площади занимала картошка – ну, это в русских огородах дело обычное – а как же, скольких она, родимая, от голоду-то уж спасла за один только двадцатый век. А на той половине, где картошка не росла, стояла высокая теплица с помидорами да огурцами, рядом раскинулась грядка с капустой, еще грядка поменьше – с морковью, и еще несколько маленьких – под зелень разную, кабачки, да клубнику.

Сотки были огорожены деревянным, с признаками первой гнилости, забором, хотя от ветхости его отвлекали внимание кусты смородины, малины, жимолости, крыжовника, и пара невысоких яблонь, посаженных скорее для красоты, чем для урожая – ведь в этих местах яблоки созревать не успевают: какие к лешему яблоки, когда по сентябрю уж морозы стучают.

– Вот, а за забором-то у нас овражек небольшой с журавлем, пойдем, покажу достопримечательность-то нашу.

Дед безошибочно нашел не прибитые доски в заборе и, отодвинув их, пропустил внука вперед, затем и сам прошмыгнул на волю. А за огородом-то у Бояровых был небольшой холмик, он как Эверест возвышался над огородами – хоть ставь на нем сторожевую башню, и стреляй из нее по воробьям, что смородину ту же обклеивают; а под холмиком начинался глубокий и широкий овраг, здесь когда-то замыкалась местная речушка, но уж высохла давно, никто и не помнит, как ее величали.

С той стороны, откуда когда-то по оврагу текла река, теперь наплывал на деда с внуком закат – легкие оранжево-розовые облака сползали на поляны и на озеро. Озеро хорошо проглядывалось с холма – синее, прозрачное, бесцеремонно забравшее в свое отражение все вокруг – даже нависающий над ним лиственный лес и небо с закатом.

– Красиво? – хвастливо спросил дед.

– Ага! – протянул Илюша, но на том решил и кончить с созерцанием, другое сейчас его занимало. – Деда, а ты расскажи про цыган, как они отомстили?

– Расскажу – куда деваться-то – коль интересно тебе.

Илюша замер, как котенок, когда над ним руку заносят, чтоб пригладить. Да дед-то и гладил, только словом по душе, а это всяко приятнее будет.

– На чем мы там остановились? Ага, значит, прогнали цыган. Ох, полдеревни тогда батюшка себе врагов нажил. Мужики обозлились, радости как единственной лишили и не спросили: а нужно было от цыган-то их спасать? Получилось, что будто цыгане и были их спасением до этого, а теперь что – не молиться же! А на магазинную водку денег нет, до ближайшей деревни, где тоже бодягу гнали, пятнадцать километров, часто не наездишься, ну, в общем, первую-то неделю после того случая и мужики и бабы поголовно перестали с отцом Никодимом даже здороваться. Мужики-то я тебе объяснил почему, а бабы-то что? Так им от мужей-то теперь еще больше доставаться стало, трезвый мужик он же привереда, чуть что не так – кулаком в морду, такие порядки уж. Ох, каждая вторая тогда баба с синяком ходила, но это я тебе страсти рассказываю, грех это – женщин обижать, ты же знаешь... А какие все обиженные ходили друг на друга, что ты! Все сразу вспоминать стали обиды старые, на улицах грызлись, в магазине сцеплялись, до этого никому дело не было до своих же соседей, а тут – на тебе, как прорвало. Упреки, обиды, злость. Похмелье наступило от грехов-то. А это все, конец света, не дай Боже кому в этот момент под руку попасться.

Однажды мужики-то наши даже собрались кучей у храма, одурели совсем, на разборку, что ли, пришли к отцу Никодиму, а он как раз с бабками малое повечерие служил, напевает сердечный... Ой, а как он служил-то, это отдельный разговор, нежность из него такая исходила при этом, святая нежность, чистейшая, все слезами обливались, стоило только в этот момент в храм зайти, вот говорят же: Бог – это любовь, а любви без нежности не бывает. Я вот как вижу, Бог – это еще и нежность, Он нам ее дарует, через нее нам почувствовать дает и любовь-

то свою. Да и мы через нежность-то любовь друг к другу чувствуем, так что без нее, без этой самой нежности, никуда. Но это я тебе, как понимаю, говорю, оно, может, и не так вовсе.

Так о чем я тебе? Пришли, значит, толпой и стоят у храма, ждут батюшку «поговорить», храбрецы тоже. А из храма слышат голос священника, со службы: «Боже, сжался над нами и благослови нас, яви нам свет лица Твоего и помилуй нас. Аминь».

Стоят, переглядываются, щурятся со злостью: вроде, де, сейчас посмотрим, как над тобой Бог-то твой сжалится. А тут Гришка выходит из храма: «На разборки пришли?» – «А ты не лезь». – «А чего хотите-то, земли?» – «Поговорить». – «А о чем говорить-то, толком хоть знаете?» Постояли мужики, попереглядывались, не ответили.

«Ну, я так и знал. Скучно стало, да? Разрядки захотелось?» И пошел тут Григорий на них, как бык на тряпку, ручищи свои выставил, скалится, вот-вот ударит кого-нибудь. Мужики, знамо дело, перетрухнули – с Гришкой никто никогда не связывался: «Чего от психа ждать-то». «Да ты чего, – начали его успокаивать, – да ты же наш, свой, ты чего?» – «А он не свой, не наш? – спросил Гриша, показывая пальцем на храм, а оттуда голос батюшки: «Слава Тебе, Христе Боже, надежда наша, слава Тебе», а бабки хором подвывают: «Слава, и ныне, Господи, помилуй». – «Чужой значит, а цыгане ваши значит? А?» – И опять попер на толпу.

«Да ты чего, слышь? А чего он? Приперся тут, нам тут жить, а кто его знает, как чего обернется-то? – залепетали сельчане. «Да не боитесь вы ничего! Трезвыми быть боитесь, вот это да. Козла отпущения ищите! Мужики, называется! Войны на вас нет, кодла...» – «Ты не базарь так-то, слышишь, – грубо так ему, Гришке-то, тогда ответил Чека, это мужик один сидевший, после зоны у нас осел, семью завел, не работовал ни дня, только воровал да пил. Ну, Гриша явно на грубость-то среагировал, а как иначе-то? Хамство-то только мужики друг у друга и могут выбивать. И должны, коль мужики-то.

В общем, Чеку Гришка тогда прилюдно побил, а никто и не заступился за него – так бы была куча мала, не приведи Боже. А так побил да ушел Гришка обратно в храм, дверь за собой аж хлопнул! Постояли мужики тогда еще, понервничали, покурили. Послушали, что там читают-то, а вечерняя-то как раз к концу шла. Батюшка ектению произносил уж, о патриархе и о преосвященнейшем помолились уж, о стране начали: «Помолимся, о богохранимой стране нашей, властях и всем народе ее. О ненавидящих и любящих нас. О милующих и служащих нам. О заповедавших нам, недостойным, молиться за них...»

Еще чуток постояли сельчане, мужики-то, у паперти, поплевались, ну, и разошлись. Не стали пар выпускать. Бог образумил, не иначе.

В ту же ночь и полыхнул лес у деревни. Ох, Царица Небесная, вот страх-то какой всех обуял, это ж все поняли сразу – нет спасения. Огонь так и пер, деревья под ним вековые, как солдаты от пулемета, падали, а лес-то совсем по ту пору близко к домам стоял, стеной, по всему периметру – и вот стена огня. Господи, да откуда она взялась-то, стена эта окаянная – никто не понял, вроде, как и пожаров лесных не было вокруг замечено, явно, цыгане мстили, а кто еще-то? И ведь знали, что пока с речки воду таскать начнут, все уж на дома перейдет, да и где воды-то столько взять? Даже если бы речку мы со всей ее мощью на огонь этот тогда вылили – не помогло бы. Никакими силами: ни человеческими, ни природными стихию ту не остановить уж было. Все и высыпались из домов, ясное дело. Документы, деньги, тряпье какое по мешкам да карманам рассовали. Мы-то с мужиками канавы давай рыть. Да куда там?! Понимали, что не поможет – пепел уж на дома пошел, огненный снег, ага. Бабы стоят, смотрят, ревут, дети ревут, скотина, тоже ведь тварь Божья, блеет, мычит, лает, ох ты, Господи, никак, конец света так и выглядит. Все, в чем есть и ни с чем, только с душами своими перед огнем встанем.

И тут – отец Никодим бежит. В рубахе белой, растрепанный, как есть, только проснулся, в чем был, в том и выбежал. Икону Матери Божьей перед собой держит, слезы из глаз катятся, что-то бормочет, запыхался уж весь, когда до всех добежал-то. И вдруг как крикнет: «Уйдите за меня все, за меня, я кому говорю!» А сам с иконой-то прям к лесу, на огонь.

«Ой, держите его, – бабы завизжали. – Мужики, держите, задохнется же!» Мы лопаты покидали, к нему все: «Ты что сдурел, отче? Отойди». А он так посмотрел на всех на нас, на мужиков, сильно посмотрел, словно вот всех оглушил взглядом. И опять орет: «Не доводите до греха, уйдите за меня. Христом Богом прошу, люди вы нет?!» – «Да ты что делать-то собрался?» – «Уйдите, говорю!» И кинулся, прям на огонь. И молится, значит, икону перед собой держит и идет на огонь. А огонь, ох ты, Боже милостивый, огонь-то от него. Все так охнули. Пуще прежнего завопили бабы...

И уж сражение-то какое началось, человека-то святого с огнем! Да только огонь сначала от отца-то Никодима отступился, а потом с новой силой разгорелся. И вот уж казалось как будто и дома, что с краю стояли, загорелись, сам видел, как кровли их и медузы пламени в одной кутерьме завертелись, красиво и страшно! Всегда так, когда стихия бушует: для глаз загляденье – для сердце потрясенье.

Мы-то все назад пятимся, дальше от огня, он гривами пламени нас гонит, плюется, а отцу Никодиму хоть бы хны. Стоит лицом к лесу, крестится. Прислушались мы невольно к молитве-то его:

...Смирненно молим Тя, всесильная рода нашего Заступнице, сподоби на немощных и грешных Твоего Матерняего участия и благопопечения. Спаси и сохрани, Владычице, под кровом милости Твоея...

И как он молился-то тогда! Эхо его трещало вместе с лопающимися от температуры деревьями, шифером и стеклами, а иногда казалось, что весь мир вокруг лопается от голоса его и плавится от его сердца, с таким жаром он молился, с такой искренностью, слезы у всех на глазах навернулись. А огонь-то, огонь вроде как смиряется начал, я сначала подумал, показалось, засмотрелся, глаз замылился, а потом гляжу – нет, огонь и правда отступает потихоньку, отец Никодим снова на него пошел, а стена огненная от него, он на нее, она от него, как замороженная. Сила молитвы той, видимо. А молитва, право, хорошая, мощная. Вот послушай, какие слова тама есть.

...В час же грозного посещения Божия, егда огнем возгорятся дома наша, или молниеносным громом устрашаеми будем, яви нам милостивое Твое заступление и державное вспоможение: да спасаеми всесильными Твоими ко Господу молитвами временного наказания Божия эде избегнем...

И вот молится он, а огонь все отходит, и тут, как будто Змей Горыныч хвостом своим, из леса как махнет, да прям всей своей силой на отца Никодима. Все, домолился заступничек наш. И зачем полез? Зря только себя угробил. А нет, глядим, как только пламя-то на тонкие змейки поделилось, да осыпалось – стоит батюшка-то и молит, все молит, и снова на огонь идет. Все дрожит от зарева до горизонта, вроде, как от молитвы содрогается, дрожит, языки кажет свои зловещие, но отступает.

... временного наказания Божия эде избегнем и вечное блаженство райское тамо унаследуем: и со всеми святыми воспоем Пречестное и Великолепное Имя...

Это он, значит, молитву Божьей Матери перед иконой Её Неопалимая Купина читал, а икона-то у него как раз эта-то в руках и была, это уж мы потом узнали. Сейчас образ на видном месте в нашем храме стоит, все перед ним кланяются, прежде всего, всегда свечи перед ним ставят.

А тогда-то, в ту ночь, батюшка еще молитвы читал. И тропарь читал. Пока вконец огонь не отогнал от деревни, чудо, говорю тебе, чудо самое что ни на есть, настоящее чудо сделал он. Ведь сгореть должны были все дома наши, все село в углях бы валялось как после немцев. Эна, вон как, видишь, бывает, есть Бог-то на свете. Есть.

А на следующий день отец Никодим слег, оно и понятно – всего себя отдал, изжог ради нас. Лежал у себя и никого не пускал, только плач его слышали, да стоны. Бедняжка, ага. К четырем часам, помню, все у его избы собралось, все бабы ревут тоже, прощения просят у

него. Бабки надоумились в храм пойти за него молиться, не все наши пошли тогда, но были и те, кто до этого и порога не переступал. Но сила молитвы грешников – это не сила человека Божьего, неделю мы в общем отмаливали батюшку, потом уж начал выходить помаленьку к нам, весь бледный, постаревший, осунувшийся.

«Чем помочь тебе, батюшка?» – спрашиваем его все. «Себе помогите», – он только это и отвечал. А в один вечер, аккурат перед самым своим полным выздоровлением, отец Никодим на пару часов в храм пришел послужить и сказал, сам слышал: «Вот вы, – говорит, – думаете, почему я помощи от вас не принимаю никакой, спаси вас Господь, это не от обиды и не от зла на вас. Вы такие же, как все люди нынче. Как все – всё перепутали: с чертом разговариваете, а на ангела плюете. А наоборот надобно бы. Тогда с искушениями будет сподручнее бороться. Со страстями вашими. А я что – я своего ангела знаю, мы с ним на короткой ноге. Не обижаюсь я на вас, иначе бы на весь мир злость затаить надо, а это я никак не могу. Не умею. И вас о том же прошу – если даже в Бога не веруете, то хоть с чертями не говорите и злость не таите».

«А как в Бога-то верить?» – спросила его тогда наша продавщица, Надька, у ней тогда уж трое детей было, а все одна, без мужа значит, вот уж точно мегерой слыла по всему селу, будто все в ее несчастьях виноваты. Батюшка посмотрел на нее так добро, тепло так, она аж улыбнулась сразу так, как никогда до этого. «Верить в Бога – значит, верить в то, что Бог верит в нас, – это батюшка ей тогда ответил. И как добавит – строго так, сурово даже: – А тех, в кого Он не верит, Он огнем сжигает!» И ушел. Все сразу вспомнили пожар, что наемдни-то был и аж – будто кто ледяным гребешком по волосам провел – так все содрогнулись.

Ну, ясное дело, с тех пор совсем иное отношение к отцу Никодиму было. Почет да уважение, как говорится. Постоянно к нему люди шли, и наши и из других деревень – быстро молва-то разносится о хороших людях. Да у него дар же был, предвиденья, все у него судьбу свою узнать пытались, да только он не говорил. Да и как он скажет-то – это ж только Бог знает. А если и ему что известно, так разве он право-то имеет говорить? Зато всем все о прошлой жизни сказывал, да о настоящей, да вразумлял всех, наставлял на путь-то их. Это тоже ценили все. И шли, и шли, конца краю не было. Несли все ему сначала продукты, деньги, а потом, по его же просьбе, стройматериалы – храм-то чтоб восстанавливать.

– Из-за храма-то и случилось все, – и дед перекрестился куда-то вправо, – Там вот за домами родненький наш стоит, через пару улиц. Видишь, понастроили хоромы, света Божьего из-за них не видно.

– А что случилось, деда? – Илюша внимательно следил за рассказом деда.

– Да ты, поди, уж устал слушать-то, – искренне удивился дед неиссякаемому любопытству внука.

– Нет, я вообще так-то никогда не устаю, – Илюшка заявил.

– Вот ты какой! Весь в деда. Я тоже никогда не уставал мальцом; да и когда уставать, работали уж все сызмальства. В шесть встанешь, корову отведешь в стадо, потом за водой... Ой, пойдем я тебе наш журавль-то покажу. Ты хоть знаешь, Илья, что это? – и дед лукаво приподнял бровь.

– Птица! – уверенно ответил Илья.

– Э, ничего-то вы нынче не знаете.

Спустились дед с внуком с холма на самое дно оврага, а небо спускалось за ними – облака багровели, становились кучнее, гуще, плотнее, и – как тесто, замешанное в марле и опущенное в воду – расширились, не теряя в своей сдобности.

До журавля нужно было пройти метров сто по узенькой тропинке, еле заметной сквозь высокую траву и репей.

– Так вот, про батюшку-то нашего, ангела родимого я, значит, рассказываю... Ты, Илья, не обходи меня, не обегай, за мной иди вслед, а то запнешься ненароком за что-нибудь. Так я и говорю, значит...

Однажды поплыл батюшка Никодим на лодке своей в соседнюю деревню, любил по реке ходить; а что – милое дело, я тебя тоже научу веслами-то управлять; так вот, в деревню-то он отправился, зачем уж не помню, а когда вернулся, смотрит – машина стоит дорогушая у храма-то нашего, Мерседес черный, и четыре увальня около, его ждут. Зачем приехали? Чего хотят? Непонятно. Гришки, как назло, не было, да и улица вся опустела, сидят по домам, затаились, не к добро такие гости пожаловали – к бабке не ходи.

«Спаси вас Господь, – подошел к ним батюшка. «И вам не хворать», – поприветствовали мордвороты. «Помолиться приехали, или так – природой полюбоваться?» – И вот мне кажется сейчас, что он уже тогда знал причину-то их приезда. «С тобой поговорить, батюшка, приехали», – объяснил тот, что вроде за старшего был, в костюме черном, ухоженный, но морда, как из зоны не вылезал. Страшнющая морда.

«Я вас слушаю», – и батюшка предложил старшему-то их сесть на скамеечку, какую недавно только у паперти поставили. Но тот отказался. «А ты что это, отец, храм-то вздумал восстанавливать? Ты разве не знаешь, что его сносить на днях будут?» – «Да что вы? Это кто вам сказал такое?» – удивился батюшка. «Это мы тебе говорим. Храм этот снесут. А рядом новый построят. Подарок это будет вам от нас». – «От кого это от вас? Да и зачем новый-то, когда и этот, если все по уму сделать, еще тыщу лет простоит?» – «Не простоит, отец, я тебе отвечаю, не простоит. На его месте будет дом отдыха, давно уже все бумаги подписаны, земля выкуплена». Зэка в костюме пытался говорить делово, но все равно съезжал на блатные интонации, получалось, что вроде как с наездом он с батюшкой-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.